АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 902

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-2/36-42

А.В. Табарев, Д.А. Иванова*

ПОГРЕБЕНИЯ, КЕРАМИКА, РАКОВИННЫЕ КУЧИ: ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ДЗЁ:МОН, ЯПОНСКИЙ АРХИПЕЛАГ**

16 сентября 1877 г. американский натуралист Э.С. Морс начал раскопки раковинной кучи Оомори (остров Хонсю). Это событие стало отправным моментом в истории изучения новой культуры с названием «дзё:мон» («веревочный орнамент»). Авторы детально прослеживают непростой путь введения этого термина в научный оборот в конце XIX – начале XX вв., а также предлагают свой вариант для определения «дзё:мон», который в литературе определяется и как «культура», и как «период», и как «эпоха». В связи с проблематикой эпохи дзё:мон авторами рассматривается также вопрос о феномене «ранней керамики» в финальнопалеолитических культурах континентальной части Дальнего Востока.

Ключевые слова: Японский архипелаг, дзё:мон, керамика, раковинные кучи, культура, эпоха

Burials, pottery, and shell-mounds: from the history of the Jōmon epoch sites studies, Japanese archipelago. ANDREY V. TABAREV, DARYA A. IVANOVA (Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

September 16th, 1877 American naturalist E.S. Morse (1838-1925) started the excavations at Oomori shell-mound (Honshu Island). This was the starting point in the history of the investigation of a new culture called “Jōmon” (cord-marked ornament). The authors thoroughly reconstruct the context of the introduction of this term into the scientific practice in the end of the XIXth – beginning of the XXth centuries and offer their own version for the meaning of “Jōmon” which is called by various names, including “culture”, “period” and “epoch”. In connection with the Jōmon epoch studies the authors pay special attention to the phenomenon of “early pottery” in the Final Paleolithic cultures of the continental part of the Far East.

Keywords: Japanese archipelago, Jōmon, pottery, shell-mounds, culture, epoch

* ТАБАРЕВ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором зарубежной археологии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: olmec@yandex.ru

ИВАНОВА Дарья Александровна, инженер-исследователь сектора зарубежной археологии Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

E-mail: nightliro@bk.ru

© Табарев А.В., Иванова Д.А., 2018

** Авторы выражают искреннюю благодарность своим японским коллегам – профессору С. Ито (Университет Сэйнан Гакуин, г. Фукуока), профессору Й. Каномата (Университет Тохоку, г. Сэндай) и профессору Т. Цуцуми (Музей Дзё:мона Асама, преф. Нагано) за возможность работы с археологическими коллекциями эпохи дзё:мон во время научных командировок и ценные комментарии по сюжетам настоящей статьи.

Несмотря на географическое соседство и плодотворное сотрудничество российских и японских археологов многие страницы древней истории Японского архипелага в отечественной литературе освещены в весьма обобщенном виде или, наоборот, сюжетно. В первую очередь это относится к одной из наиболее интересных и ярких эпох – эпохе дзё:мон (14-2,3 тыс. л.н.) – ее региональным особенностям, принципам периодизации и, конечно, истории изучения и появления самого термина «дзё:мон». Археологические материалы дзё:монских памятников представляют исключительный интерес для отечественных специалистов, занимающихся периодами финального палеолита, неолита и палеометалла на российском Дальнем Востоке.

В археологической литературе начало изучения культуры дзё:мон (англ. Jōmon)¹ традиционно связывают с именем американского натуралиста Эдварда Сильвануса Морса (1838-1925). Он прибыл в Японию в июне 1877 г. и по пути из Йокогамы в Токио (для работы в недавно созданном Токийском университете) увидел из окна поезда крупную раковинную кучу, которая была разрезана полотном железной дороги. Эта раковинная куча напомнила ему о подобных объектах на побережье штата Мэн в Северной Америке. По словам самого Морса, он несколько месяцев с нетерпением ждал возможности произвести раскопки, опасаясь, что это сделает кто-нибудь раньше [28].

На самом деле, раковинная куча под названием «Оомори» уже была известна местным любителям древностей, которые собирали на ее поверхности фрагменты керамики и каменные изделия. Есть также вероятность, что незадолго до Э. Морса небольшие раскопки на Оомори производили австрийский коллекционер Генрих фон Сибольд (1852-1908) и немецкий геолог Эдмунд Науман (1854-1927) [9, pp. 832-841].

Тем не менее, именно Э. Морс был первым, кто получил официальное разрешение на раскопки памятника (от руководства Токийского университета), и первым, кто опубликовал археологический отчет об этих исследованиях, как на английском, так и на японском языках. Именно Э. Морсу посвящена памятная плита и скульптурная композиция на месте памятника Оомори², который сегодня является археоло-

гическим музеем. Свои раскопки раковинной кучи Оомори Э. Морс начал 16 сентября 1877 г. Это событие стало отправным моментом в истории изучения новой культуры с названием «дзё:мон» (досл. – «веревочный орнамент», «縄文») и, одновременно, дискуссии о ее хронологии и содержании.

История появления терминов «керамика типа дзё:мон» и «культура дзё:мон» весьма запутана. В работах самого Э.С. Морса – нескольких статей и научно-популярной книге «Япония, день за днем» – слово «дзё:мон» (Jōmon) не встречается [25; 26; 27; 28], он вообще никогда и не произносил данного слова. Первый день раскопок на Оомори Э. Морс провел со своим сослуживцем доктором Д. Мюрреем, переводчиком (?) Ю. Мацумура, а также двумя студентами – Т. Сасаки и С. Мацура. Среди большого количества керамики Морс особо выделяет фрагменты со следами скрученного шнура («twisted cord-mark»). Однако, как именно в тот день звучал этот термин в переводе на японский язык, мы не знаем.

Известно, что менее чем через месяц после начала раскопок (13 октября 1877 г.) Э. Морс выступил с лекцией «Следы древнего человека в Японии» в «Азиатском обществе» в г. Йокогама. Слушателями были в основном проживавшие в городе англичане и американцы, лекция была на английском языке, и докладчик использовал исключительно англоязычные термины для описания демонстрируемых находок, в частности, «керамика, отмеченная шнуром» (cord-marked).

Уже 29 ноября того же года краткая заметка с тем же названием («Следы древнего человека в Японии») и тем же термином для описания керамики выходит в журнале «Nature» [25].

В июне 1878 г. Э. Морс представляет большую лекцию в Токийском университете для членов археологического клуба, переводчиком выступает заместитель директора университета д-р Хаттори, но и в этом случае мы не знаем, какой вариант перевода для керамики с орнаментом в виде «скрученного шнура» был выбран.

В 1879 г. в издательстве Токийского университета были опубликованы английская (июль), а затем японская (декабрь) версии отчета о раскопках «Раковинные кучи Оомори» [26]. Перевод японской версии выполнил коллега Э. Морса по департаменту науки профессор ботаники Р. Ятабэ. При этом, в зависимости от употребления термина «cord mark», Ятабэ использовал разные варианты сочетания: impression of the well-known cord mark – 索縄型

¹ Здесь и далее по тексту авторы используют написание «дзё:мон» с указанием на долготу, согласно транскрипционной системе записи японских слов кириллицей, разработанной Е.Д. Поливановым.

² Первый вариант памятника был установлен еще в 1929 г.

(сакудзё:гата); the cord mark – 繩索状 (дзё:саку-дзё:); cord marked – 索紋 (сакумон); the cord marked impressions – 索紋 (сакумон); (ancient) cord marked pottery – 蓆紋 (мусиромон); cord mark (areas) – 索紋 (сакумон-тай)³.

Последний раз Э. Морс побывал в Японии в 1882 г. Во время этого визита, в знак признательности за заслуги, ему подарили коллекцию, включающую подборку керамических сосудов и их фрагментов (в том числе, дзё:монские), которая в настоящее время хранится частями в Музее искусств в Бостоне и Музее Пибоди в Салеме (США). Э. Морс сохранил самые теплые чувства к Японии на протяжении всей своей дальнейшей жизни. Так, в 1923 г., узнав о том, что в результате мощнейшего землетрясения была разрушена библиотека в Токийском университете, он пожертвовал в пользу университета всю свою личную библиотеку [24, р. 158].

Таким образом, раскопки памятника Оомори знаменовали собой не только начало научной археологии в Японии, они были фактически одним из первых опытов по раскопкам раковинных куч в мире в целом. Если же говорить о первых раскопках раковинных куч, проведенных непосредственно японскими исследователями, то это произошло через два года после работ на Оомори, в 1879 г. – студенты Э. Морса биологи Т. Сакаи⁴ и И. Иидзума провели работы на раковинной куче Окадайра (преф. Ибараки) и спустя некоторое время даже опубликовали небольшой иллюстрированный отчет [16].

Институализация науки о древностях происходит в последующие годы – в 1884 г. С. Цубой с коллегами организует Японское антропологическое общество, а в 1893 г. в Токийском императорском университете создается Департамент антропологии.

Первый специализированный департамент археологии появляется в 1916 г. в Киотском императорском университете, его главой становится профессор К. Хамада (1881-1938), получивший образование в Японии (Токийский и Киотский университеты) и в Великобритании

(Лондонский университет). Он активно использовал «европейский опыт», внедрял типологический метод анализа материала (по О. Монтелиусу), написал ряд книг и учебных пособий для студентов, в которых часто ссылался на публикации европейских и североамериканских авторов, а также производил полевые исследования [24, р. 158].

Один из таких полевых проектов – раскопки погребений на раковинной куче Цукумо (преф. Окаяма). Местонахождение было известно еще с 1870-х гг., оно неоднократно посещалось и осматривалось японскими учеными, есть упоминания об обнаружении отдельных скелетов в период с 1915 по 1918 гг. Полномасштабные исследования проводились с сентября 1919 г. по январь 1920 г. Всего на памятнике было найдены останки 170 индивидуумов, которые были погребены в одиночных, парных и групповых могилах, в сопровождении керамической посуды, каменных орудий и украшений из раковин и рога, есть также данные о детских погребениях в сосудах. Примечательно, что авторы отчета использовали при описании находок и термин «дзё:мон», а также, следуя европейской терминологии, называют памятник «неолитическим могильником» [20].

«Неолитическими» (в англоязычных публикациях японских авторов) именуются и другие комплексы в раковинных кучах, которые исследовались в период 1915-1920 гг. – Аосима, Миято, Тодороки, Идзума, Ко, Ибусуки и другие [23].

Значимость этих памятников для российских специалистов, занимающихся культурами неолита, трудно переоценить, они заслуживают специальной публикации. Напомним читателю, что на сегодняшний день на территории Приамурья и Приморья известно всего два комплекса (Бойсмана-2 и Чертовы Ворота) с антропологическим материалом, информации о характере и особенностях погребальной практики крайне мало. Для сравнения, уже в первой четверти XX в. только в центральной части Японского архипелага (о-в Хонсю) было открыто и раскопано около двух десятков дзё:монских памятников (в основном, раковинные кучи), обнаружено несколько сотен погребений.

Что же касается термина «дзё:мон» (Jōmon), то переход к его использованию вместо термина «неолит» прослеживается только в конце 1920-х гг. и связан с новым подходом к классификации керамического материала (форма, орнамента, хронология, периодизация) в работах выдающегося японского археолога Сугао

³ Следует отметить, что именно в это время шел активный процесс изменений в японской грамматике и иероглифике (упрощение написания), поэтому многие названия встречаются в старом и новом вариантах написания. Именно так произошло и с термином «дзё:мон доки», который впервые появляется в статье Сирай Мицутаро в 1886 г. и выполнен в старом написании иероглифов 縄紋 (縄文 – современное написание) [8, р. 49].

⁴ Участник работ на Оомори.

Яманоути (1902-1970). Этот подход проявляется уже в его ранних статьях, таких как «Керамика с текстильным оттиском на севере Канто» (1929), «Распространение керамики стиля камэгаока и конец существования керамики стиля дзё:мона» (1930), серия работ «Доисторическая культура Японии» (1932). Классической публикацией и важнейшей вехой в историографии дзё:мона считается 12 томный «Иллюстрированный справочник по доисторической керамике Японии», опубликованный в 1939-1941 гг. [24, р. 163].

Тем не менее, за прошедшие с этого времени десятилетия в публикациях японских исследователей так и не выработалось единого мнения о содержании термина «дзё:мон» – например, в немногочисленных переводных монографиях «дзё:мон» в равной степени определяется и как «культура», и как «период» [13; 17; 21]. Аналогична ситуация («дзё:мон» как «эпоха», «культура», «период» и «традиция») и в статьях современных англоязычных авторов [15; 18].

Нет единства в использовании термина и в отечественной археологической литературе. В ранних работах [3; 5; 6] авторы употребляли сочетания «культура веревочной керамики (дзё:мон-культура)», «культура неолита», «культурно-хронологический период», «неолитический этап»; «керамика с оттисками рогожи» и т.д. В публикациях 1980-х – 2000-х гг. число вариантов уменьшается до трех основных – «культура дзё:мон», «эпоха дзё:мон» и «период дзё:мон» [1; 2; 4].

В двух имеющихся на сегодняшний день в российской археологической науке диссертационных исследованиях по данной проблематике [10; 11] в равной степени присутствуют «культуры эпохи дзё:мон», «культура дзё:мон», «период дзё:мон» и даже «дзё:монское время». При этом все сходятся в том, что одна культура не может существовать на протяжении почти 12 тыс. лет, и проведение прямой аналогии «дзё:мон = неолит» абсолютно некорректно.

Еще одним, не менее интересным предметом полемики является общая хронология дзё:мона и его периодизация. С обнаружением наиболее древней (финальноплейстоценовой) керамики в различных частях Японского архипелага, нижняя граница дзё:мона опустилась до 14 тыс. л.н., а периодизация (ранний-средний-поздний-финальный) пополнилась сначала «начальным» (Initial Jōmon – sōki), а потом и «изначальным» (Incipient Jōmon – sōsōki) периодами. При этом сосуды наиболее ранних периодов практически

не орнаментированы шнуром, главным признаком «дзё:мона», что, по мнению ряда исследователей, не позволяет причислять эту керамику к «дзё:монской традиции».

В свою очередь, подвижность отличает и верхнюю границу дзё:мона (2,3 тыс. л.н. или 2,8 тыс. л.н.): это связано с дискуссией о времени начала земледелия на архипелаге – сменой основного хозяйственного вектора с присваивающего на производящий, приходом с территории Корейского полуострова носителей новой культуры (яёй), а также с различной интерпретацией радиоуглеродных датировок [29].

Более того, внутренняя периодизация дзё:мона также демонстрирует явную специфику для северных (остров Хоккайдо), центральных (острова Хонсю, Сикоку) и южных (остров Кюсю, архипелаг Рюкю) районов, разные хронологические рамки для одних и тех же периодов. Еще более запутывает ситуацию использование некалиброванных и калиброванных дат, увеличивая разницу между периодами от 200 до 2 тыс. лет [14]. С другой стороны, внутри одного периода (средний дзё:мон) разница в датах между отдельными регионами о. Хонсю варьируется в пределах от 100 до 400 лет. Например, для региона Тохоку характерны некалиброванные даты в интервале 4 570 – 4 000 л.н., для региона Канто – 4 950 – 4 010 л.н., для района Хокурику – 4 900 – 3 960 л.н., для района Косинъэцу – 5 050 – 4 170 л.н. [9; 13].

И, наконец, ситуация с наиболее ранней дзё:монской керамикой (изначальный и начальный дзё:мон) и появление дополнительных разделов в периодизационной колонке послужили толчком к поиску, и обнаружению финальноплейстоценовой керамики в континентальной части Дальнего Востока (в Китае, в Приамурье, в Забайкалье) [12; 30].

Оказалось, что «мезолит» для целого ряда культур этих регионов является лишь временным, промежуточным термином, отражающим начальную степень изученности. С совершенствованием методик анализа и датировки органических останков, а также обнаружения в археологических материалах керамической посуды отдельные горизонты, слои и даже культуры обретают свое новое место в периодизационной схеме. Именно так случилось с осиповской, громатухинской, новопетровской и другими культурами российского Дальнего Востока.

Один из недавних примеров в этом ряду – Забайкалье, где десятилетиями наработанная схема «верхний палеолит-мезолит-неолит»

была сначала подвергнута определенному испытанию в лице серии памятников Усть-Каренга (среднее течение р. Витим), на которых были найдены следы гончарства с возрастом 12 200 – 10 600 л.н. (Усть-Каренга-12, гор. 7) [22]. Затем появились новые датировки по памятникам в бассейне р. Чикой. Несмотря на то, что в археологических коллекциях памятников Студёное-1 (гор. 8-9) и Усть-Менза-1 (гор. 8) части керамических сосудов были зафиксированы еще в 1980-х гг., их возраст долгое время представлялся специалистам спорным. Новая серия AMS-дат получена по фрагментам сосудов с нагаром в лаборатории Токийского университета в 2010 г.: по Студёному-1 для культурного горизонта 8 – 11 600±60 BP (МТС-16735), 11 570±60 (МТС-16734) и 11 730±60 BP (МТС-16736), для горизонта 9 Г – 11 600±60 BP (МТС-16737) и 11 960±80 BP (ТКа-15554), по Усть-Мензе-1 для горизонта 8 – 11 550±50 BP (МТС-16738) [7, с. 170].

У данной ситуации есть явный привкус парадокса – целый ряд комплексов, традиционно фигурировавших в литературе в качестве финальнопалеолитических или мезолитических при нахождении нескольких фрагментов керамики одномоментно («по щелчку») становятся начальнеолитическими или раннеолитическими. Достаточно ли одного признака для такой перекалфикации памятников и целых культур или же необходимо продемонстрировать некий «пакет признаков» – вопрос дискуссионный. Как, например, быть с сосуществованием на одной территории комплексов с финальноплейстоценовой керамикой и без нее при практически полной идентичности каменного инструментария?

Несмотря на очевидные преимущества керамической посуды, быстрого перехода к ее широкому использованию и массовому изготовлению в финальноплейстоценовое время не происходит. Продолжается производство емкостей из органических волокон, кожи, дерева, мягкого камня. Керамическая посуда не приводит к быстрой «кулинарной революции», более того – во многих случаях фрагменты ранней керамики вообще не связаны с очажными конструкциями и термической обработкой пищи. На протяжении нескольких тысяч лет она, скорее всего, имеет весьма специфическое (по мнению авторов, исключительно церемониальное) употребление. Как уже оговаривалось выше, несмотря на то, что памятников с финальноплейстоценовой керамикой на Японском

архипелаге насчитывается десятки, количество фрагментов ранней керамики (изначального и начального дзёмона, 14-10 тыс. л.н.) на каждом из этих памятников невелико. Дзёмонский «керамический бум» начинается лишь с 10-9,5 тыс. л.н. [19, р. 347-348].

По мере накопления археологических материалов (около 100 тыс. зарегистрированных памятников на территории архипелага) дзёмон представляется все более и более комплексным, и многослойным явлением. Крупные структурированные поселения, сложные технологии гончарства, камнеобработки и ткачества, развитые сезонные промыслы, монументальные ритуальные сооружения (каменные круги и выкладки), разнообразие и многообразность искусства – все это позволяет многим специалистам говорить о «дзёмонской цивилизации», не уступающей по своим масштабам и значимости раннеземледельческим цивилизациям Передней Азии и Европы. Безусловно, это еще одно исключительно перспективное направление для дискуссий и выработки новых теоретических моделей.

Итак, на наш взгляд, использование термина «культура» для двенадцатитысячелетнего отрезка времени вряд ли применимо; «период» не может делиться на «периоды»; «традиция» не отражает всей целостности и комплексности явления. В качестве наиболее понятного и удобного инструментария нам представляется корректным говорить об «эпохе дзёмон», подразделяющейся на несколько «периодов» и материальной «культуре» конкретного периода на определенной территории (например, «культура среднего дзёмона Кюсю»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникович М.В. К определению понятия «археологическая эпоха» // Советская археология. 1992. №1. С. 85-94.
2. Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск: Наука, 1982.
3. Воробьев М.В. Древняя Япония. М.: Издательство восточной литературы, 1958.
4. Жушиховская И.С. Древнейшая керамика: пути технологической инновации // Вестник ДВО РАН. 2011. № 1. С. 101-110.
5. Окладников А.П. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре // Советская этнография. 1946. №4. С. 11-33.
6. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1973.

7. Разгильдеева И.И., Куникита Д., Яншина О.В. Новые данные о возрасте древнейших керамических комплексов Западного Забайкалья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 2. Фундаментальные проблемы формирования разнообразия палеосреды и палеокультур Евразии. Смена парадигм: материалы II Всерос. науч. конф. // Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 168-178.

8. Сирай Мицутаро. Сэкидзоку (Наконечники стрел) // Дзинруй гаккай хо:коку. 1886. № 3. С. 49-51.

9. Со:ран дзё:мон доки (Справочник по керамике дзё:мон) / под ред. Т. Кобаяси. Токио: UM Promotion, 2008.

10. Соловьева Е.А. Догу: классификация и интерпретация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.

11. Чан Су Бу. Поздний дзёмон Хоккайдо: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1977.

12. Cohen, D.J., 2013. The advent and spread of early pottery in East Asia: new dates and new considerations for the world's earliest ceramic vessels. *Journal of Austronesian Studies*, Vol. 4, no. 2, pp. 55-92.

13. Habu, J., 2004. *Ancient Jomon of Japan*. Cambridge: Cambridge University Press.

14. Habu, J., 2008. Growth and decline in complex hunter-gatherer societies: a case study from the Jomon period Sannai Maruyama site, Japan. *Antiquity*, Vol. 82, pp. 571-584.

15. Hudson, M.J., 1999. *Ruins of identity: ethnogenesis in the Japanese Islands*. Honolulu: University of Hawaii Press.

16. Iijima, I. and Sasaki, C., 1883. Okadaira shell mound at Hitachi, Vol. 1: Being an appendix to memoir Vol. I. Part I. of the Science department, Tôkiô Daigaku (University of Tôkiô). Tokyo: Tokyo Daigaku.

17. Imamura, K., 1996. *Prehistoric Japan. New perspectives on insular East Asia*. Honolulu: University of Hawaii Press.

18. Kaner, S. and Ishikawa, T., 2007. Reassessing the concept of the 'Neolithic' in the Jomon of Western Japan. *Documenta Praehistorica*, Vol. 34, pp. 1-7.

19. Keally, C.T., Taniguchi, Y., Kuzmin, Y.V. and Shewkomud, I.Y., 2004. Chronology of the beginning of pottery manufacture in East Asia. *Radiocarbon*, Vol. 46, no. 1, pp. 345-351.

20. Kiyono, K., Shimada, S. and Hamada, K., 1920. The excavation of the shell-mound at Tsukumo, a Neolithic cemetery in the province of Bitchu. Report upon Archaeological Research,

Department of Literature, Kyoto Imperial University, Vol. 5, pp. 1-7.

21. Kobayashi, T., 2004. *Jomon reflections. Forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago*. Oxford: Oxbow Books.

22. Kuzmin, Y.V. and Vetrov, V.M., 2007. The earliest Neolithic complex in Siberia: the Ust'-Karenga 12 site and its significance for the Neolithization process in Eurasia. *Documenta Praehistorica*, Vol. 34, pp. 9-20.

23. Matsumoto, H., 1921. Notes on the Stone Age people of Japan. *American Anthropologist*, Vol. 23, no. 1, pp. 50-76.

24. Miyamoto, K., 2017. The beginnings of modern archaeology in Japan and Japanese archaeology before World War II. *Japanese Journal of Archaeology*, Vol. 4, no. 2, pp. 157-164.

25. Morse, E.S., 1877. Traces of early man in Japan. *Nature*, Vol. 17, p. 89.

26. Morse, E.S., 1879. *Shell Mounds of Ōmori*. Memoirs of the Science Department, University of Tokyo, Japan, Tokyo, Vol. 1, Part 1.

27. Morse, E.S., 1879. Traces of an early race in Japan. *The Popular Science Monthly*, Vol. 14, pp. 257-266.

28. Morse, E.S., 1917. *Japan day by day 1877, 1878-79, 1882-83*. Vol. 1. Boston: Houghton Mifflin Company.

29. Shoda, S., 2010. Radiocarbon and Archaeology in Japan and Korea: What was changed because of the Yayoi dating controversy? *Radiocarbon*, Vol. 52, no. 2-3, pp. 421-427.

30. Wu, X., Zang, C., Goldberg, P., Cohen, D., Pan, Y., Arpin, T. and Bar-Yosef, O., 2012. Early pottery at 20,000 years ago in Xianrendong cave, China. *Science*, no. 336, pp. 1696-1700.

REFERENCES

1. Anikovich, M.V., 1992. K opredeleniyu ponyatiya «arkheologicheskaya epokha» [To the determination of the «archaeological epoch»], *Sovetskaya arkheologiya*, no. 1, pp. 85-94. (in Russ.)

2. Vasilevskiy, R.S., Lavrov, E.L. and Chan Su Bu, 1982. *Kul'tury kamennogo veka Severnoi Yaponii* [Stone Age cultures of Northern Japan]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

3. Vorob'ev, M.V., 1958. *Drevnyaya Yaponiya* [Ancient Japan]. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (in Russ.)

4. Zhushchikhovskaya, I.S., 2011. *Drevneishaya keramika: puti tekhnologicheskoi innovatsii* [The most ancient pottery: ways of technological innovations], *Vestnik DVO RAN*, no. 1, pp. 101-110. (in Russ.)

5. Okladnikov, A.P., 1946. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре [Towards the question of the most ancient population of the Japanese Islands and its culture], *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 11-33. (in Russ.)
6. Okladnikov, A.P. and Derevyanko, A.P., 1973. Dalekoe proshloe Primor'ya i Priamur'ya [The distant past of Primorye and Priamur'e]. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)
7. Razgil'deeva, I.I., Kunikita, D. and Yanshina, O.V., 2013. Novye dannye o vozraste drevneishikh keramicheskikh kompleksov Zapadnogo Zabaikal'ya [New data on the age of the most ancient pottery complexes in Western Trans-Baikal Region]. In: *Evrasiya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*. Vyp. 2. Fundamental'nye problemy formirovaniya raznoobraziya paleosredy i paleokul'tur Evrazii. Smena paradigm: materialy II Vseros. nauch. konf. Irkutsk: Izd-vo IGU, pp. 168-178. (in Russ.)
8. 白井光太郎, 1886. 石鏃考 [Stone arrowhead], *人類學會報告*, no. 3, pp. 49-51. (in Japanese).
9. 小林達雄 ed., 2008. 総覧縄文土器 [Handbook of Jōmon pottery]. 東京: アム・プロモーション. (in Japanese)
10. Solov'eva, E.A., 2005. Dogu: klassifikatsiya i interpretatsiya [Dogu: classification and interpretation], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Novosibirsk. (in Russ.)
11. Chan Su Bu, 1977. Pozdnyy dzyomon Hokkaido [The late Jomon of Hokkaido], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Novosibirsk. (in Russ.)
12. Cohen, D.J., 2013. The advent and spread of early pottery in East Asia: new dates and new considerations for the world's earliest ceramic vessels. *Journal of Austronesian Studies*, Vol. 4, no. 2, pp. 55-92.
13. Habu, J., 2004. Ancient Jomon of Japan. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Habu, J., 2008. Growth and decline in complex hunter-gatherer societies: a case study from the Jomon period Sannai Maruyama site, Japan. *Antiquity*, Vol. 82, pp. 571-584.
15. Hudson, M.J., 1999. Ruins of identity: ethnogenesis in the Japanese Islands. Honolulu: University of Hawaii Press.
16. Iijima, I. and Sasaki, C., 1883. Okadaira shell mound at Hitachi, Vol. 1: Being an appendix to memoir Vol. I. Part I. of the Science department, Tōkiō Daigaku (University of Tōkiō). Tokyo: Tokvo Daigaku.
17. Imamura, K., 1996. Prehistoric Japan. New perspectives on insular East Asia. Honolulu: University of Hawaii Press.
18. Kaner, S. and Ishikawa, T., 2007. Reassessing the concept of the 'Neolithic' in the Jomon of Western Japan. *Documenta Praehistorica*, Vol. 34, pp. 1-7.
19. Keally, C.T., Taniguchi, Y., Kuzmin, Y.V. and Shewkomud, I.Y., 2004. Chronology of the beginning of pottery manufacture in East Asia. *Radiocarbon*, Vol. 46, no. 1, pp. 345-351.
20. Kiyono, K., Shimada, S. and Hamada, K., 1920. The excavation of the shell-mound at Tsukumo, a Neolithic cemetery in the province of Bitchu. Report upon Archaeological Research, Department of Literature, Kyoto Imperial University, Vol. 5, pp. 1-7.
21. Kobayashi, T., 2004. Jomon reflections. Forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago. Oxford: Oxbow Books.
22. Kuzmin, Y.V. and Vetrov, V.M., 2007. The earliest Neolithic complex in Siberia: the Ust'-Karenga 12 site and its significance for the Neolithization process in Eurasia. *Documenta Praehistorica*, Vol. 34, pp. 9-20.
23. Matsumoto, H., 1921. Notes on the Stone Age people of Japan. *American Anthropologist*, Vol. 23, no. 1, pp. 50-76.
24. Miyamoto, K., 2017. The beginnings of modern archaeology in Japan and Japanese archaeology before World War II. *Japanese Journal of Archaeology*, Vol. 4, no. 2, pp. 157-164.
25. Morse, E.S., 1877. Traces of early man in Japan. *Nature*, Vol. 17, p. 89.
26. Morse, E.S., 1879. Shell Mounds of Ōmori. *Memoirs of the Science Department, University of Tokyo, Japan, Tokyo*, Vol. 1, Part 1.
27. Morse, E.S., 1879. Traces of an early race in Japan. *The Popular Science Monthly*, Vol. 14, pp. 257-266.
28. Morse, E.S., 1917. Japan day by day 1877, 1878-79, 1882-83. Vol. 1. Boston: Houghton Mifflin Company.
29. Shoda, S., 2010. Radiocarbon and Archaeology in Japan and Korea: What was changed because of the Yayoi dating controversy? *Radiocarbon*, Vol. 52, no. 2-3, pp. 421-427.
30. Wu, X., Zang, C., Goldberg, P., Cohen, D., Pan, Y., Arpin, T. and Bar-Yosef, O., 2012. Early pottery at 20,000 years ago in Xianrendong cave, China. *Science*. no. 336. pp. 1696-1700.